

УДК 130.2; 141; 18; 821.161.1

ОТ ЗОЛОТОГО ВЕКА К СЕРЕБРЯНОМУ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С.И. Сулимов

Воронежский государственный университет, г.Воронеж
e-mail: sta-sulimov@ya.ru

Данная работа посвящена рассмотрению специфических черт русской литературной традиции Золотого и Серебряного веков и анализу причин и особенностей произошедшей с русской литературой метаморфозы на рубеже XIX-XX веков. Автор полагает, что специфика русской литературы XIX века была обусловлена её субъектом и творцом – оригинальной социальной группой, именуемой «интеллигенция». Когда после отмены крепостного права интеллигенция по своему составу изменилась, неизбежно изменилось и её литературное творчество. Автор иллюстрирует эту метаморфозу, сравнивая произведения классиков Золотого века с творчеством писателей века Серебряного.

Ключевые слова: Золотой век русской культуры, Серебряный век русской культуры, интеллигенция, социальная трансформация, беспочвенность.

В любые переломные исторические моменты трансформация общества обычно охватывает все сферы его жизни, даже если доминирующими являются изменения лишь в какой-то одной сфере. Например, духовная жизнь с некоторым отставанием меняется в унисон политическим реформам или социальная структура общества с опозданием трансформируется под влиянием экономических причин. И именно поэтому духовная культура может быть названа зеркалом происходящих в обществе процессов: она далеко не всегда влияет на общественные изменения, но всегда каким-то наглядным образом реагирует на них, позволяя реципиенту иной эпохи соприкоснуться с переломным моментом прошлого и увидеть в нём то, что современники могли лишь интуитивно чувствовать. В данной работе мы проследим, как отражалась в русской литературе трансформация русского общества на рубеже XIX-XX вв.

Прежде всего, необходимо очертить тот социальный слой, который играл главную роль в духовном творчестве рассматриваемой нами эпохи.

Например, в Средние века духовная жизнь вообще и литература в частности безраздельно находились в руках церковных писателей. А кто же пришёл им на смену в России XIX в.? Речь пойдёт об интеллигенции, уникальной русской социальной группе, вписавшей в отечественную историю немало тёмных и светлых страниц. Генезис интеллигенции начался на рубеже XVIII-XIX вв. благодаря педагогической системе Ивана Ивановича Бецкого (1704 – 1795 гг.), которая была направлена на формирование у воспитанников престижных учебных заведений гражданских добродетелей безотносительно их конкретного наполнения. При помощи системы гимназий и кадетских корпусов, тщательного подбора преподавательского состава и разрыва связи учащихся-аристократов с их семьями И. И. Бецкий пытался создать тип идеального гражданина, относящегося ко всем людям с равным уважением, преданного абстрактному Отечеству, разбирающегося во всём многообразии мировой культуры и неизменно верного российской короне [7; с. 276]. Своих задач данный масштабный проект не выполнил, но благодаря закрытым учебным заведениям типа лицея в Царском Селе и кадетского корпуса на Васильевском острове и высокому уровню преподавания с акцентом на античность и Просвещение действительно сформировал новый тип образованной молодёжи. Можно сказать, что из дворян, воспитанных по системе И. И. Бецкого, в скором времени сложилась интеллигенция, новая общественная группа, по своему мировоззрению заметно отличавшаяся от допетровского и постпетровского дворянства. Выучившиеся в отрыве от семьи, нередко под руководством преподавателей-иностранцев, первые интеллигенты очень хорошо разбирались в западной духовной культуре, руководствовались лучшими учениями античной философии, но совершенно не представляли повседневной жизни своего народа и даже собственных родственников. Именно в этом отрыве от корней, по мысли отечественного исследователя В. М. Межуева, заключается родовая черта интеллигенции – группы, на полтора века ставшей локомотивом русской духовной культуры: «Явление интеллигенции возникает там, где происходит пересечение двух разных культур – заёмной и собственной. В России где-то с Петра, с первой волны попыток модернизации, европейских заимствований, возникает слой людей, по-европейски

образованных, но генетически принадлежащих к совершенно другой стране. Своего рода кентаврическое образование» [3; с. 71].

Такая нелестная характеристика вовсе не значит, что представители русской интеллигенции испытывали по отношению к русскому обществу или его истории высокомерие. Скорее, дело обстояло наоборот: не зная подлинной России, некоторые интеллигенты становились даже более пылкими патриотами, чем реальные крестьяне или функционеры правительства. Причём, патриотизм их оригинально преломлялся о фантазию и творческие способности, приводя не к знакомству с реальной Россией, а к созданию её идеализированного и романтизированного образа. Более того, знакомство с настоящими, не сказочными народными персонажами порой сильно разочаровывало интеллигентов. Например, отечественный исследователь А. Н. Лазарева иронически пишет об этом: «Народопоклонникам, как и огнепоклонникам, близость и соприкосновение со своим божеством ничего хорошего не сулили» [2; с. 66]. Однако воспитание и образование в закрытых заведениях сыграло в социализации интеллигентов важную роль: они не сталкивались не только с добродетелями, но и с пороками реальной жизни, что позволило им создавать идеальной образ последней во всю мощь своих фантазий и талантов. Для примера созданной русской интеллигенцией литературы обратимся к творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя.

Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837 гг.) известен каждому российскому школьнику как создатель русского литературного языка, но ведь с мировой литературной традицией поэт был тоже знаком настолько, что писал стихи в подражание античным классикам (например, «Торжество Вакха»). Однако всё-таки большая часть пушкинского творчества связана с Россией и исподволь романтизирует её. При этом Пушкин вряд ли творил на основе каждодневных впечатлений от увиденной им русской реальности: будучи столичным жителем и придворным, поэт не мог бы сделать много мысленных зарисовок из жизни простонародья. О его творчестве можно сказать, что он не воспевал, а создавал русскую культуру на основе увиденных и услышанных им исторических и фольклорных образов. Хорошим примером такого творчества могут служить пушкинские сказки. Считается, что они были рассказаны будущему поэту в детстве его няней, крепостной крестьянкой Ариной Родионовной. Но ведь вряд ли

крепостная няня имела такую фотографическую память, чтобы ежедневно рассказывать своему питомцу наизусть длинные поэмы. Скорее всего, она рассказывала *какие-то* народные сказки и легенды, усвоенные и многократно переосмысленные поэтом. Именно так родились «Золотой петушок», «Сказка о попе и работнике его Балде» и другие произведения, которые в наши дни считаются присущими русской литературе априорно и даже не всегда связываются с именем своего автора. Также в творчестве Пушкина берёт своё начало авторская романтизация реальных событий русской истории: например, поэма «Полтава» – это не «репортаж с места событий», а эпическое произведение, в дальнейшем вдохновлявшее несколько поколений русской молодёжи на героические деяния. Неслучайно ведь «Полтава» сохранилась в школьном курсе литературы даже в советское время.

По аналогичному пути шло творчество Михаила Юрьевича Лермонтова (1814 – 1841 гг.). Воспитанный по системе И. И. Бецкого на идеалах абстрактного «общечеловеческого братства», в своей поэзии он сознательно превратил некоторые события русской истории в легенды (поэмы «Бородино», «Валерик», «Песня о купце Калашникове»). Особый интерес вызывает поэма «Валерик», потому что повествует не об известной всей России Бородинской битве 1812 г., произошедшей за два года до рождения поэта, а о Кавказской войне (1817 – 1864 гг.), тяготы которой он разделил сполна. Именно Лермонтов был первым русским поэтом, кто научился видеть героизм в современных ему событиях и передавать его в романтических тонах. Его творчество как бы утверждает, что храбрость на полях сражений проявляют не только гренадёры Наполеона или древнегреческие гоплиты. При этом личность Лермонтова типична для русской интеллигенции XIX в.: из-за слабого здоровья детство будущего поэта прошло в семейном имении Тарханы, а юность – в московском закрытом пансионе. Такое воспитание стало причиной постоянного чувства одиночества, которое преследовало Лермонтова всю жизнь. К счастью, сам поэт правильно оценивал ситуацию и не пытался связать это ощущение со своим дворянским происхождением. Более того, по собственному признанию, не находя взаимопонимания ни с сокурсниками в Московском университете, ни с сослуживцами на Кавказской войне, поэт постоянно домисливал и в

своей фантазии «дорисовывал» этих людей, превращая рядовые события и их участников в захватывающие приключения и романтических героев.

Третьим рассматриваемым нами литературным гением первой половины XIX в. был Николай Васильевич Гоголь (1809 – 1842 гг.). Современный читатель знает его как разнопланового писателя, автора пьесы, романов и повестей, но самыми яркими и известными произведениями Гоголя остаются циклы рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». В них автор предстаёт как собиратель и популяризатор украинских народных легенд и поверий. Иногда у читателя даже может сложиться мнение, что автор ничего не сочиняет, а лишь рассказывает обросшие фантастическими слухами происшествия из жизни украинской деревни. Но современный исследователь Х. Х. Шарыпова аргументировано утверждает, что Диканька Н. В. Гоголя не имеет к реальной украинской Диканьке никакого отношения: «Романтический мир писателя не принадлежит реальному топониму Украины – Диканьке, а располагается в Диканьке, созданной фантазией автора. За гранью этого чудесного мира начинается филистерский мир, где нет места романтическому идеалу» [8; с. 220]. Безусловно, в своём творчестве писатель вдохновлялся украинскими фольклорными мотивами, но не пересказывал готовые и завершённые сказки. Можно предположить, что связь между украинским фольклором и творчеством Н. В. Гоголя обратная: авторское сочинение Гоголя со временем превратилось в народное достояние. Точно так же обстоит дело с гоголевской повестью «Тарас Бульба». Такого атамана в истории запорожского казачества не было и, скорее всего, не могло быть. Ведь среди запорожцев немалую долю составляли опальные шляхтичи, которые никак не могли быть русскими патриотами. Максимум, что мог бы сделать на основе такого исторического материала писатель – это позаимствовать у реальных атаманов самые романтические их черты и усилить их. Так появился литературный образ Тараса Бульбы, ставший настолько популярным, что вдохновил многих представителей русской военной молодёжи служить именно в казачьих войсках. Каждый из таких юнкеров, после военного училища стремящийся в донские, кубанские или уральские полки, хотел стать «как Тарас Бульба». Таким образом, фантазия Гоголя стала действующим мотивом для реальных жизненных

решений и поступков большого количества молодых кавалерийских офицеров.

Говоря о культуре Золотого века, приходится признать, интеллигенты не знакомились с простонародьем, а придумывали его. Можно сказать, что они были патриотами выдуманной ими самими страны. Но если бы не эта «сказочная страна», то мир никогда бы не познакомился с творчеством русских поэтов и писателей середины XIX в. Пусть руководящим мотивом многих из них была романтизация народа (крестьян, солдат, казаков), в реальности этим авторам неизвестного. Пусть создаваемый писателями образ был предельно далёк от оригинала, но именно этим образом вдохновлялась целая эпоха русской литературы. Каким же творческое интеллигентное сознание представляло этот мифический «народ»? Исследователь русской культуры протопресвитер Александр (Шмеман) отмечает: «У «народа», по представлению этого сознания, ничего не было: ни культуры, ни свободы, ни даже элементарных форм общественной жизни, и в этом смысле он был объектом сострадания, жалости, милости. Но у него оставалось одно, главное: живое нравственное сознание, та таинственная «правда», к которой он всё относит, которой он всё мерит и которая «сквозит» и «тайно светит» в его жизни» [9; с. 192]. Реальное русское простонародье никакой мифической «правдой» не владело, и жизнь русских крестьян вряд ли была поэтичнее, чем жизнь крестьян немецких или английских. Однако интеллигенция об этом не знала, так как с реальным простонародьем практически не была знакома. Поэтому поиски мифической народной «правды», идеализация народа стали фундаментом Золотого века русской культуры. Пусть А. С. Пушкин и создал шедевр авторской литературы, базируясь на простодушных сказках крепостной няни, но без этих сказок его творчество не обрело бы тематической оригинальности. Став же свершившимся фактом, основанная на романтизации народа и идеализации фольклорных мотивов литература на протяжении ста лет вдохновляла реальных русских чиновников и офицеров на самоотверженное служение короне и, что важнее, ощущение национального единства со своим народом. Реальный помещик или чиновник почти никогда не проявлял гуманизма в отношениях с крепостными, но после взросления на сказках Пушкина и новеллах Гоголя он хотя бы не ставил под сомнение человеческую природу

крестьян. Можно сказать, что если бы не «Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина, «Родина» М. Ю. Лермонтова и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, то реформа 1861 г. была бы совсем другой, по бесчеловечному английскому или немецкому образцу, в одночасье превратившему миллионы вчерашних крестьян в бездомных нищих.

Также очень важно отметить, что неумеренная идеализация народа, создание его фантастического образа и поиски несуществующей народной «правды» при всей своей иллюзорности всё-таки не шли вразрез с традиционной православной духовностью. К примеру, вот как характеризует литературу Золотого века святитель Феофан Затворник (Говоров): «Но вопрос всё ещё остаётся нерешенным: так как же, можно читать иное что, кроме духовного? Сквозь зубы говорю Вам, чуть слышно: пожалуй, можно, только немного и не без разбора. (...) Но и эти книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благодати, правды и многопопечительного о нас промысления Божия. Такие книги читайте. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своём. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать» [5; с. 458]. Причём, святитель говорит не только о научной и публицистической литературе, но и о художественной, хотя, конечно, в характерной для него сдержанной манере: «А повести и романы? Есть и между ними хорошие. (...) Когда кто из прочитавших благонамеренных людей порекомендует какую повесть, можете прочитать» [5; с. 459]. Эти слова были написаны владыкой в те годы, когда пик своей популярности переживали «Герой нашего времени» и «Дубровский», следовательно, произведения, бывшие лицом литературы Золотого века, с православием вполне гармонировали [4; с. 114].

Иными стали акценты русской культуры Серебряного века и его литературы в частности. Прежде, чем мы будем говорить о конкретных представителях и идеях отечественной философии данной эпохи, необходимо хотя бы в двух словах сказать об историко-культурном контексте их творчества. Сразу же после отмены крепостного права (1861 г.) социальная структура русского общества претерпела глубокие изменения, и сословный строй сохранился лишь юридически. Множество помещиков разорились и из господ превратились в должников, а купечество из единоличных хозяев торговли стало лишь частью

коммерческого сообщества, разделив свои права с нарождающейся разночинной буржуазией. Крестьянство, получив личную свободу, устремилось в города, где превратилось в новый, прежде неизвестный в России класс пролетариев. Города из небольших местечек превратились в мегаполисы, в которых технические новинки соседствовали с всеобщей коммерциализацией. Если добавить скученность и тесноту быстро выраставших рабочих районов, то можно предположить, что жизнь мегаполиса 1900-х годов не была оптимистичной. Скорее, её заполняли тревога и непонимание происходящего: никто не чувствовал себя на своём месте и каждый боялся куда-то опоздать или чего-то не заметить. Горожанин впервые ощутил себя чужим на своей же улице, потому что его окружали незнакомые лица, которые довольно часто менялись [1; с. 109].

В обстановке такой социальной и духовной беспочвенности русская культура попросту не смогла бы оставаться единой или хотя бы приверженной четкому набору принципов. И литература, и философия Серебряного века с необходимостью должны были испытать на себе ощущение всеобщего смещения, гибели старого мира и ожидания новой жизни. Единое в Золотом веке миропонимание распалось на множество направлений и течений, каждое из которых имело свою точку зрения на всё и при этом ограничивалось лишь выбранным проблемным полем. Одни искали в искусстве новые стили, другие – ждали революцию, третьи устремились в псевдохристианский мистицизм, и каждое из этих течений не желало знать об остальных аналогичных течениях.

Потерю единого мироощущения в литературе можно проследить по творчеству Александра Александровича Блока (1880 – 1921 гг.), одного из самых известных поэтов Серебряного века. Его стихотворения и поэмы содержат сразу несколько идейных акцентов, никак не связанных между собой. Это и ощущение одиночества, характерное для русской литературы начала XX в. вообще, и культ Прекрасной Дамы, и ожидание мирового обновления, особенно ясно различимое в поэме «Двенадцать» [9; с. 181]. Блок, похоже, не просто не имел цельной картины мира, но даже не задавался вопросом о её возможном существовании.

Та часть творческой интеллигенции, которая ограничилась эстетическими поисками идеала «искусства будущего», в скором времени начала путать прогнозирование грядущего с его формированием.

Каждому из таких поэтов, композиторов или художников казалось, что будущее искусство станет таким, каким его воображает лично он. Это привело к множеству смелых творческих экспериментов, некоторые из которых были весьма оригинальны, но чаще просто смешны. По удачному выражению авторитетного исследователя русской культуры протопресвитера А. Шмемана, многие деятели духовной культуры Серебряного века считали себя «теургами» нового мира: им казалось, что буквально сразу после следующего их произведения прежняя жизнь исчезнет, и «начнётся новое небо и новая земля» [9; с. 185]. Например, композитор Александр Николаевич Скрябин (1872 – 1915 гг.) вполне серьезно считал, что, как только он закончит и исполнит симфонию под названием «Мистерия», мир погибнет и возродится вновь совсем другим, как бы повинувшись музыке и ритму «Мистерии». Вот как характеризует творческую и философскую позицию А. Н. Скрябина современный исследователь священник Владимир (Соколов): «Скрябин – не просто музыкант и композитор, а музыкально-религиозный мистик. Вряд ли можно найти в истории более мистичного музыканта и более музыкального мистика – эти два пути причудливо совместились в творческой жизни Скрябина. (...) «Мистерия», по его замыслу, должна была уже быть магическим культовым актом, в результате которого должна произойти *дематериализация* (курсив автора) – гибель этого мира и создание «нового неба и земли», – через уничтожение материи, торжество духа и, тем самым, «освобождение и спасение» человечества. Причём в роли спасителя человечества должен был выступить он сам» [6; с. 159]. Конечно же, А. Н. Скрябин был большим оригиналом, и далеко не все творцы культуры Серебряного века соглашались с ним или хотя бы даже поддерживали пафос обновления, вызванный быстрыми изменениями в тогдашнем российском социуме. Однако к какому бы направлению не принадлежал писатель или поэт, все литераторы незаметно потеряли главную черту, которая объединяла их предшественников в Золотом веке – они больше не идеализировали ни народ, ни его «правду».

Если обратиться к творчеству писателей Серебряного века, творивших в реалистическом ключе, то мы увидим довольно безрадостную картину, созданную ими по своим бытовым впечатлениям. Это «Володя большой и Володя маленький» и «Мужики» А. П. Чехова;

«Челкаш» и «На дне» М. Горького; «Захар Воробьёв» и «Солнечный удар» И.А. Бунина, и многие другие произведения. Все они базируются на той же повседневной жизни, которая некогда вдохновила А.С. Пушкина на «Повести покойного И.П. Белкина» и М.Ю. Лермонтова на «Героя нашего времени». Однако у произведений Серебряного века, фигурально выражаясь, отсутствует высший план. Их сюжеты просто жизненны, без апелляции к чему-либо, выходящему за рамки повседневной среднестатистической реальности. Например, в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» необузданная сердечная страсть гусарского офицера служит мотивом истории, в которой нет ничего лишнего, но нет и ничего мелочного. Банальная распущенность банального человека становится причиной страшной трагедии, в которой нет места ничему привычному. Посвященные аналогичной адюльтерной тематике рассказы Антона Павловича Чехова («Володя большой и Володя маленький») и Ивана Алексеевича Бунина («Солнечный удар») не открывают за привычными жизненными событиями никаких возвышенных или низменных мотивов, никаких трагических причин и следствий. Для писателей начала XX в. адюльтер – это просто адюльтер, рядовое событие повседневной жизни большого города, а вовсе не жизненная драма. В этом городском, коммерческом и, в общем-то, безликом мире, где человек человеку – посторонний, не может быть никакой «правды», кроме той, что публикуют в еженедельных газетах. Можно сказать, что в начале XX в. наступило безвременье: прежняя эпоха миновала, а новая ещё не началась. Дальнейшее развитие общества и его культуры могло пойти любым путём, и оно пошло путём революции, ставшей для кого-то долгожданным «мировым обновлением», а для кого-то – рядовым событием из каждодневной череды привычных происшествий.

Подводя итоги, необходимо задать вопрос: что изменилось в русской интеллигенции при переходе от Золотого века к Серебряному? Думается, её ряды приняли большое количество разночинцев, не имевших ничего общего с воспитанием по системе И.И. Бецкого, и поэтому видящих мир с иной, «приземленной» позиции, прежде недоступной интеллигентам дворянского происхождения. Таким образом, мировоззренческое единство оказалось утрачено. В Золотом веке интеллигенция почти всегда получала образование в закрытых

учреждениях типа лицея Царского Села и не имела контактов с реальным простонародьем, что позволяло ей приписывать ему все мыслимые и немыслимые достоинства. Интеллигенция Серебряного века, будучи разночинской по своему социальному составу, нередко имела богатый опыт общения с реальным простонародьем и попросту не могла идеализировать его. То же самое касается и жизненных коллизий: то, что дворянин А. С. Пушкин счёл бы трагедией, для сына сапожника А.П. Чехова было обыденностью. Но, с другой стороны, состав русского дворянства постоянно обновлялся, принимая в свои ряды отважных представителей казачества и даже выходцев из купцов и мещан, и на духовных свойствах аристократии это почти никак не отражалось. В русском дворянстве и производной от него интеллигенции первой половины XIX в. традиция всегда главенствовала над личными вкусами. Вероятно, причина коренной ломки и распада единой прежде культуры заключается в быстрой трансформации русского общества в конце XIX в., когда сословия и связанные с ними модели воспитания превратились из реальности в юридическую формальность буквально за пару десятилетий. Можно предположить, что любой переходный момент политической и социальной истории является переломным и для духовной культуры вообще и литературы в частности.

Список литературы

1. Гончарова, Ю. В. Социально-духовные предпосылки трансформации русской культуры в Серебряном веке / Ю. В. Гончарова // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал, 2020, №3 (13). – С. 108-112.
2. Лазарева, А. Н. Интеллигенция и религия. К историческому осмыслению проблематика «Вех» / А. Н. Лазарева. – М.: РАН, 1996. – 85 с.
3. Межуев, В. М. Раскол интеллигенции / В. М. Межуев // Человек, 1995, №2. – С. 69-81.
4. Морозова, И. Н. Христианская культура как ценность в отечественной философии конца XIX – начала XX веков / И. Н. Морозова // Ценности интеллигентного мира. – Магнитогорск: Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2006. – С. 11-22.
5. Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? / Феофан Затворник, святитель. – М. : Сибирская благовонница, 2013. – 509 с.
6. Соколов В., свщ. Мистика или духовность? Ереси против христианства / свщ. В. Соколов. – М. : Данилов мужской монастырь, 2014. – 560 с.
7. Сулимов С. И. Культурология: учебник для студентов негуманитарных факультетов / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных. – Воронеж : Научная книга, 2020. – 364 с

8. Шарыпова Х. З. Романтическая утопия в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя / Х. З. Шарыпова // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему ««Город Солнца»: в поисках идеального локуса». – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2019. – С. 220-221.
9. Шмеман А., протопресв. Основы русской культуры. Беседы на Радио Свободы. 1970-1971 / протопресв. А. Шмеман. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2017. – 416 с.
- 10.

FROM THE GOLDEN AGE TO SILVER: FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN LITERATURE

S.I. Sulimov

Voronezh State University, Voronezh
e-mail: sta-sulimov@ya.ru

This work is devoted to the consideration of the specific features of the Russian literary tradition of the Golden and Silver Centuries and the analysis of the causes and features of metamorphosis that occurred with Russian literature at the turn of the 19-20 centuries. The author believes that the specifics of Russian literature of the 19th century was due to its subject and creator - an original social group called the "intelligentsia." When, after the abolition of serfdom, the intelligentsia changed in composition, its literary work inevitably changed. The author illustrates this metamorphosis by comparing the works of the classics of the Golden Age with the work of the writers of the Silver Age.

Keywords: Golden age of Russian culture, Silver age of Russian culture, intelligentsia, social transformation, groundlessness.
